

Наталья Сорокоумова

ЗЛЕЙШИЙ ВРАГ, ИЛИ

ВЕЧНОСТЬ ДЛИНОЮ В ДЕНЬ

Наталья Сорокоумова

Злейший враг, или

Вечность длиною в день

<https://litres.ru/74599482>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой человек Михаил Глухов всю жизнь боролся с собственным телом, которое, казалось, изо всех сил стремилось его погубить. Неизлечимые болезни, бесконечные больницы и полное одиночество давно лишили его надежды на будущее. Но однажды ему предлагают стать участником секретного эксперимента и отправиться в параллельный мир, откуда бесследно исчезли несколько опытных исследователей.

Так начинается невероятное путешествие через цепочку чужих реальностей, где каждый новый день становится испытанием на выживание, а привычные представления о времени, жизни и смерти теряют смысл.

Наталья Сорокоумова

Злейший враг, или

Вечность длиною в день

Злейший враг, или вечность длиною в день

I

Я никогда не был героем. У меня даже никогда не было шанса стать им, никаких предпосылок, никаких стремлений к этому. Но...

Сколько помню себя – я всегда боролся. И неважно, за что и почему – это было смыслом моего существования. Хотя – почему неважно? Это важно. С первых секунд жизни, с первых моих вздохов я боролся с самой жизнью. А она, как это ни странно, боролась со мной.

Началось все с того, что я вообще-то и не должен был родиться. Мама болела, и врачи говорили, что шансов забеременеть – примерно как у сковородки. Но вышло так, что сковородка забеременела. Папе, кстати, тоже досталось от жизни – врачи вынесли ему приговор: стерильность. Как получилось, что у двух стерильных сковородок родился сын – одному богу известно. Но он родился, чем вверх маму в бесконечные хлопоты, а папу – в глубочайшую депрессию. Он до

самых последних дней был уверен, что я не его ребенок. Будем справедливы – я тоже не был уверен в этом, но мы друг друга любили и мирно уживались рядом долгие годы.

И вот началась моя борьба. Я боролся с жизнью, как мог – болел свинкой, корью, воспалениями легких, гриппом, ОРЗ и ОРВИ, гепатитом, скарлатиной, оспой, ветрянкой; я ломал руки и ноги, разбивал нос, и кровь текла ручьями, я сдирал с коленок и локтей кожу, туда обязательно попадала инфекция, начиналось воспаление и сепсис... В 10 лет мне вырезали аппендицит и обеспечили перитонит. Провалившись в больнице 3 недели в коме и 3 недели вне комы, на следующий день после выписки я упал под лед, непостижимым образом оттуда выбрался и слег с пневмонией на месяц, после чего случился отек легких и меня долго откачивали, вновь лечили, заносили инфекцию и лечили снова. Так что я был честен в своей борьбе против жизни – мой организм делал все, от него зависящее, но жизнь упрямо держала меня в своих железных руках и отпускать не хотела. Бедная моя мамочка! Сколько она выстрадала! С моим появлением она до конца своих дней спала не более 3 часов в сутки, постоянно дежуря у постели, выхаживая меня и вытаскивая с того света своими горячими молитвами. Папа с содроганием смотрел на все это, но терпеливо обеспечивал нас средствами к существованию.

У меня выработался свое времяисчисление: до первой комы, во время последнего перелома, той зимой, когда мне уда-

лили слюны...

И так продолжалось 25 лет. Потом скончалась мама. Смерть была для неё облегчением – она просто заснула на стуле во время моей очередной болезни, и не проснулась. На почерневшем от усталости лице была улыбка. Я откровенно порадовался за неё. Папа, видимо - также, потому что смог поучаствовать в моей битве против жизни только пару месяцев, после чего тоже скончался. Я остался один на один со своей опостылевшей жизнью.

В 25 лет у меня не было профессии – я закончил школу заочно, сдав экзамены прямо в палате серьезной комиссии из трех человек, и по-прежнему 85% времени проводил в больницах, а оставшиеся 15% - отлеживался в постели. Я оказался владельцем роскошного букета хронических заболеваний, который даже выдавших виды профессоров заставлял смотреть на меня с уважением. Они читали мою историю болезни, сопели в кулак и произносили длинные умные речи – что-то про слабый иммунитет и плохую наследственность. Если резюмировать их лекции, то получалось просто: а чего это вы, голубчик, живете-то ещё? Пора бы и честь знать.

Да разве я сам не хотел этого? Я ненавидел жизнь всеми фибрами своей души, я страстно хотел умереть и мечтал навсегда остаться в сладкой коме, когда ничего не чувствуешь, кроме легкости и тепла, когда тебя моют, кормят и лечат без сознательного твоего участия. Это было здорово.

Можно, конечно, было бы попробовать повеситься или

лечь в ванну с обнимкой с бритвой и как бы случайно чикнуть себе вены. Но я был уверен: это бесполезно, меня откачают. Ведь паразитическая моя неудачливость в плане подхватывания болячек странно и мирно уживалась с такой же паразитической везучестью и живучестью. Если я ломал ногу – тут же рядом оказывался добрый и милый человек, который запихивал меня в машину и вез в больницу. Когда я попал под обрушившиеся строительные леса, то доски ложились шалашиком и лишь раздавили мне локоть. Ощущения пренеприятнейшие, но не смертельные. Однажды хулиганы на темной улице истыкали меня ножом, проткнув и селезенку, и печень. Другой бы на моем месте загнулся в ту же секунду, но я не только дождался приезда бригады врачей, но и напоролся на гениального хирурга, который в ту ночь как раз оказался свободен. И он, подлец, заштопал меня так аккуратно, так заботливо «вел» меня через все подводные камни сопутствующих ранению факторов, что уже через месяц я вышел целёхонький и живехонький – без денег, без друзей, без всякой надежды на светлое будущее.

Оставалось только одно – почаще болеть. Так, по крайней мере, мне будет что есть, и во что одеться. В больнице – отличное питание, хотя и однообразное, чистая хлопчатобумажная пижама и соседи по палате, с которыми есть о чем поговорить. Точнее, только об одном и можно было говорить – о болезнях. Никакие другие темы мне не были более понятны, знакомы и близки, хотя интерес к чтению вообще давно

превратился в страсть и наркотик. Я щедро делился своим богатым опытом с соседями, они мне сочувствовали, давали советы, мы обменивались именами и координатами знакомых врачей, - словом, это был мой клуб по интересам, где я практически занимал место председателя.

Ещё один интересный нюанс – я даже не представлял себе, как это, когда не болеешь. Я прошел столько операций, столько наркозов, даже дважды испытал клиническую смерть, что абсолютно потерял страх перед болью и неудобствами, которые ей сопутствовали. Порог моей болевой чувствительности отодвигался с каждым новым попаданием в больницу все дальше и дальше. Я научился самостоятельно вправлять вывихи, и не только себе; сломав на ледяной горке ключицу, я и не сразу понял, что случилось. Только когда стало опухать плечо и грудь, я на всякий случай отвез себя в травмпункт. Когда у меня брали пункцию из спинного мозга, я обсуждал футбольный матч с хирургом. Когда у меня заболел зуб мудрости, я вырвал его сам – просто и легко. Кровь свернулась сразу же, никаких осложнений.

И, кстати, этих осложнений становилось всё меньше. Даже страшная и беспощадная аллергия на мед, которая преследовала меня с детства, и стала причиной отека Квинке, и та отодвигалась от меня – первые симптомы стали проявляться уже не после первой ложки яда, а после целого стакана.

Я уже всерьез стал подумывать о том, чтобы зарабатывать на этом деньги. В смысле – на своем умении полноценно бо-

леть и полноценно выздоравливать. Тут как раз я подхватил гнойную ангину, попал в больницу с температурой под 40 градусов, а в больнице проходил практику студент медицинского университета. Звали его Гарик Миронов.

Он-то и подал мне мыслишку. Стать «подопытным кроликом» в их лаборатории при университете. Они там что-то вечно изобретали – а пробовать не на ком, испытывать на людях было невозможно, разрешения на это лаборатория получить никак не могла.

- Ведь вам долго не протянуть с таким-то набором патологий, - сказал мне добрый и чуткий Гарик. – А так - деньжат подзаработаете. А потом – чем черт не шутит? – найдем мы способ справиться с вашим «букетом».

- Мне бы умереть побыстрее, - честно ответил я. – Сдохнуть. Скончаться. Откинуть копыта. Дать дуба. Что-то в этом роде. Сил нет никаких.

- Вот и давайте решим нашу проблему, и вашу.

А что мне было терять? Я, скрытый романтик, увидел в этом Гарике надежду – умереть не просто так, а во имя человечества.

И вот тут начинается новая глава моей бесполезной жизни.

II

В первых числах октября меня выписали. Главврач даже

сказал мне на прощание:

- Ну, брат, до скорого. Нам тут ещё докторские защищать, а ты – наша кладёзь непознанного. Увидимся.

И я сразу пошел в ближайшую забегаловку. Я купил подозрительно несвежий бутерброд, салат с намеками на плесень и чашку горячего чая. Пах он странновато, кисло как-то. Но мне выбирать не приходилось – долго отсиживаться дома я не собирался, меня ждали в больницах, как новую тему для диссертации.

Я уселся за самый дальний столик в углу. Только поднес бутерброд ко рту, как вдруг увидел ЕЁ.

Она сидел наискосок от меня. Октябрьское хрустальное солнце касалось тонкими лучиками её обнаженных колен, золотые кучерявые волосы рассыпались по плечам, изумительное лицо с тонкими прекрасными чертами было задумчиво. ОНА читала какую-то брошюрку, маленькими глотками пила красновато-коричневую бурду из высокого бокала и после каждого глотка сжимала соблазнительные, четко очерченные губки.

Я застыл минут на двадцать. Не отрываясь, не шевелясь, я смотрел на это чудо, на это творение рук божьих, и не верил, что достоин видеть его.

Подойти к ней я бы никогда не посмел. Болезни выпили из меня все соки: я был худ, бледен, с вечными темными кругами вокруг глаз, с желтоватой после гепатита кожей, с отдышкой, окутанной ароматом больничных миров. А может, она

из тех девушек, которые и западают на «бледных юношей с горящим взглядом и тоской на лице»? Наверное – да, подумал я, когда она внезапно подняла голову и посмотрела на меня.

Мир перестал существовать. Держа бутерброд у раскрытого рта, я с ужасом понял, что девушка не только улыбается мне, но и делает попытки пофлиртовать. Она кидала на меня быстрые, лукавые взгляды, кокетливо накручивала локон на палец, закинула ногу на ногу, чтобы показать мне эту исключительную красоту, а потом внезапно поднялась и направилась ко мне.

Откуда-то из космических глубин до меня донесся голос:

- Здесь свободно? Могу я присесть?

Я только кивнул и поспешно закрыл рот.

- Я вам не советую брать здесь еду, - сказала она мне про-никновенно. – Были случаи...

- Да, я знаю, - ответил я хрипло и закашлялся. Прокля-тый хронический бронхит!!! – Я уже подхватывал тут саль-монеллез.

О чем я мог говорить с ней?! Единственно знакомая тема для меня – болезни.

Она медленно покивала мне, соглашаясь. Ни единой тени не промелькнуло на её лице – она даже как будто не удиви-лась моим словам.

- Меня Машей зовут, - сказала она и протянула мне свою тонкую кисть с аристократичными пальцами. Я пожал руку.

- Миша, - прохрипел я. – Очень приятно.

- Как смешно! – хрустально рассмеялась она. – Маша и Миша! Смешно ведь, правда?

Я поверил ей на слово и тоже хохотнул.

- Так чем вы занимаетесь, Миша? – спросила она.

Я едва не сказал: профессиональный больной.

- Я это... Испытатель, - соврал я и тут же понял, что пунцово покраснел. Врать меня не научили.

- Испытатель? – с интересом переспросила она. – Что же вы испытываете?

- Всё подряд, - опять соврал я.

- Здорово! – восхитилась она. – И вам нравится ваша работа?

Если бы точно знал, каково это – испытывать всё подряд на себе, я бы смог выдать из себя какой-то ответ. Но в данный момент я лишь пожал плечом. Мне казалось, все немногие посетители забегаловки уставились на нас.

- Миша, вы интересный человек, - сказала Маша. – Мы раньше не встречались с вами?

Все мои знакомые девушки всегда были из числа пациенток больниц. Я даже влюблялся – было дело. Но не было среди них ни одной, кто мог бы сравниться по красоте и свежести с моей новой знакомой. Она дышала абсолютным здоровьем, скорее всего, она ни разу не кашлянула за всю жизнь. Она словно бы сияла, сидя напротив меня и улыбаясь глазами.

- Вряд ли, - ответил я. – Я бы запомнил!

Мой обед был забыт. Маша, не замечая моей зажатости и стеснения, быстро находила темы для разговора: мы обсудили книги и фильмы, чемпионат по легкой атлетике, сошлись во мнении, что первой ракеткой мира в этом году опять станет Каролин Возняцки, а Греция сумеет выйти из экономического кризиса. Мы оба осудили действия Америки в Ливии, посмеялись над последними статьями Задорнова, и сошлись на том, что «Властелин колец» - лучший фильм всех времен и народов.

Я, черпающий информацию о мире только из интернета, телевизора и радио, почувствовал себя нормальным человеком. Мир в лице Маши читал те же книги, смотрел те же фильмы, слушал ту же музыку, что и я. Ощущения были поистине волшебны. Но наступил вечер, и стемнело. Маша сказала:

- Мне нужно идти. Но я бы хотела ещё раз встретиться с тобой.

Я ничего не мог ей обещать – любая болячка могла свалить меня с ног уже через минуту. Мы обменялись телефонами.

В свою квартиру я вернулся поздно, потому что после того, как Маша уехала, я ещё несколько часов простоял у кафе, глядя вслед исчезнувшему такси.

Встретиться с ней ещё раз я даже не мечтал. И, несмотря на то, что у меня был Машин номер телефона, а у неё – мой, мы не звонили друг другу. Не знаю, как она, но я мучился

страшно. Целыми днями я просиживал возле аппарата, держа в руках ещё и сотовый, тупо смотрел на цифры, но ни разу не попытался набрать номер. Я боялся.

Я боялся, что встреча с Машей окажется иллюзией, фантазией, что я наберу номер, а на том конце провода мне ответят «Такие здесь не живут!». Или что трубку возьмет сама Маша и строго скажет: «Миша? Какой Миша? Прекратите хулиганить!»

Странно, но после героического ужина в сомнительной забегаловке у меня не возникло ни одного симптома отравления. Иммунитет? Или выделяющиеся при мысли о Маше эндорфины полностью нейтрализовали бактерии и вирусы?

Влюбился ли я? Нет. Точно – нет. Не думал я о Маше, как о женщине. Я думал о ней, как о личности, которая подарила мне, убогому и глупому, свет истинного человеческого общения. Я ни разу не сказал ни слова о болезнях, диагнозах, симптомах или о своем послужном больничном списке.

Такого в моей жизни ещё не было.

Чем больше я вспоминал и думал о Маше, тем фантастичней и призрачней становилась наша встреча. Хотя я и помнил каждое слово, произнесенное ею, и каждое мое слово – через неделю мне стало казаться, что Маша действительно появилась в моем больном воображении.

III

Поэтому, когда зазвонил мой домашний телефон, я снял

трубку, и спокойно сказал:

- Алле?

- Михаил? – спросила трубка мужским прокурренным голосом. – Михаил Глухов?

- Слушаю, - сказал я сдержанно.

- Это Гарик Миронов, - сказала трубка. – Помнишь? Я по делу. У нас проходит испытания новый... эээ... препарат. Ты бы не хотел поучаствовать? Оплата каждый день наличными.

- Конечно, - ответил я. – Когда и куда мне прийти?

- Сейчас удобно?

- Удобно.

- Тогда машину у подъезда. Личных вещей никаких не бери – все дадут здесь, одноразовое и стерильное. Возьми только паспорт.

- Ладно. Спускаюсь.

Машина действительно стояла у подъезда – огромная, черная, блестящая. Возле машины прогуливалась Маша. Я остановился, как громом пораженный.

- Привет, - сказала она без тени улыбки. – Поехали?

- Куда? – спросил я.

- К Гарику Миронову, - ответила она. – Тебе не звонили, что ли?

- Ты работаешь с ним?

- Вроде того. Садись.

Она села за руль. Мы помчались по шумному городу. Маша внимательно смотрела на дорогу, со мной не разговари-

вала, и я боялся начать первым. Сегодня она была не такой, как в нашу первую встречу: серьезная и чужая. Она даже радио не включила, и мне стало не по себе... Что это я там себе нафантазировал?

Ехали мы не долго. Но мне хватило времени, чтобы около сотни раз мысленно начать разговор и закончить его.

Машина резко затормозила перед огромным серым зданием. Высоченный сплошной забор из гофрированных листов железа окружал его, из-за забора торчали макушки березок.

Типичный НИИ. Мне доводилось бывать в таких. Снаружи это некрасивая и ничем не примечательная коробка с одинаковыми окнами и старыми кондиционерами БК, наследием советского прошлого. Обычно в таких НИИ на проходной, за стеклом, сидят обозленные бабули или дедули. У них за плечами перестройка и годы застоя, они ничего и никого не боятся, кроме начальства из самого НИИ. Внутри здания полно ламп и кабинетов, полы сплошь мраморные, лифты узкие.

Но перед тем, как пройти через грозную бабулю-вахтершу, мне пришлось испытать первый шок. На заборе возле калитки синела вывеска. Я с содроганием прочел: Институт проктологии. Господи, что они на мне испытывать будут? Подушки для профилактики геморроя?

За стеклом на проходной никто не сидел. Вертушка пропускала только тех, кто имел электронный пропуск. У Маши

он был. А ещё мы прошли металлоискатель.

Она шла впереди меня, а мне хотелось немедленно развернуться и уйти.

В институте было пусто. В коридорах с мраморными полами никто не топал тяжелыми башмаками, не пахло кофе и едой, не хлопали двери. Лампы тоже горели не все – одна через четыре, аварийные. Никто не говорил по телефону, не бубнил за дверьми, не трещали принтеры и ксероксы. Мертвое царство. А ещё – камеры. Много камер. Они все следили за нами. И перед каждой дверью, через которую мы проходили, нужно было обязательно помахать пропуском. Мишень? Джеймсы Бонды, нечего сказать...

Маша обернулась ко мне.

- Ты чего? – спросила она, увидев, что я затормозил перед лифтом. На стене не было кнопки.

- Я чувствую себя Фаустом, которого ведут в ад, - честно сказал я.

- А мне досталась роль Мефистофеля? – осведомилась Маша. – Сегодня выходной – потому такая тишина. И наши лаборатории – в западном крыле, в подвале. Миша, расслабься.

Расслабьтесь, сказал проктолог... Бр-рр. Ну и холодно же здесь.

Маша подошла ко мне и взяла под руку. Улыбнулась и стала той девушкой, которую я увидел в забегаловке.

- Я тебя познакомлю с ребятами, - сказала она. – У нас

много талантливых людей! Мы работаем над такими задачами – закачаешься! Тебе понравится.

Ну не знаю, с сомнением подумал я, а Маша уже увлекала меня дальше по пустым, гулким коридорам НИИ.

- Пришли! – объявила она и толкнула массивную деревянную дверь.

По глазам мне ударил белый ослепительный свет. Мы попали в длинный зал.

Вряд ли это была лаборатория. Скорее, это напоминало вокзал. Стены зала через равные промежутки были истыканы круглыми отверстиями – то ли двери, то ли норы. Двери-норы заволакивал белый, с разноцветными прожилками дым. Иногда он слегка дрожал, иногда – стоял плотной завесой, но сквозь него угадывалось движение.

На моих глазах к одной из таких нор подошли двое молодых людей в белых халатах, подкатили кресло-каталку. Из белой пелены дыры вдруг вывалился человек – мускулистый, огромный, заросший бородой и шевелюрой, и абсолютно голый. Впрочем, голым он был только мгновение: из скрытых пазов прыснула на него синяя жидкость, покрыла все тело, кроме лица, и застыла на коже, превратившись в подобие резины. Молодца подхватили люди в белых халатах, аккуратно посадили в кресло.

- Ну, как, Илюша? – тревожно спросил один.

- Нормально, - басом сказал Илюша. – Договорился. Отпустят к нам на стажировку.

- А с погодой как?

- Погода - дрянь. Кислота так и шпарит. Думал, без легких останусь...

Илюшу катили нам навстречу. Белые халаты поприветствовали Машу, Илюша что-то сказал ей – я не понял, что именно, потому что сказал он не по-русски. Я отлично различаю иностранные языки, но так и не смог определить, на каком языке говорит Илья. Маша ответила ему.

- И все-таки – туда? – спросил Илья уже по-русски.

- Мы стараемся сделать все, что в наших силах, - сказала Маша.

Я таращился на них. Из другой норы вышла девушка – тоже обнаженная. И снова из пазов брызнула синяя жидкость и скрыла наготу. Пока Маша и Илья переговаривались, я стал свидетелем ещё нескольких «голых» появлений.

Институт проктологии, говорите? Да-а, интересно.

Илью укатали. Маша снова взяла меня под руку.

- Что это? – прямо спросил я, указывая на голых.

- Биокон, - сказала Маша. – И у нас не принято таращиться на странников. Это не этично и не прилично.

Наконец, бесконечный зал кончился. Мы спустились по лестнице вниз и оказались в лаборатории.

Столы, микроскопы, пробирки, автоклавы, и пахнет перегретым железом и бульоном... Такое я тоже видел сотни раз.

- Гоша! – окликнула Маша.

Гарик Миронов - румяный, светлоокий, бритый наголо, -

выглянул из бокса.

- Машка! Чего долго так? – недовольно прохрипел он. – Михалыч уже съел меня... Привет, Миша.

- Привет, - сказал я.

- Ты, Миша, располагайся, - сказала Маша. – Я сейчас на счет чая узнаю. А потом твою комнату покажу.

Гарик ухватил её за локоть:

- Машка, где обещанный старикс? Мне биокон руками размешивать?

- Уйди ты! – она стряхивала его с руки, как прилипшую пушинку. – Привезут старикс, его Сидорчук на регулировку отправил.

- Ой, Машка, не быть тебе странницей! – злорадно говорил Гарик, провожая её к двери. – Съест тебя Михалыч, и не поперхнется...

- Пусть попробует, - с достоинством ответила Маша и выскользнула за дверь.

Я сел на ближайший стул. Мне было нехорошо. На мое счастье, Гарик все-таки решил заняться мной.

Он плюхнулся на соседний стул и весело спросил:

- Ну, как тебе у нас? Красота?

- Самый красивый институт проктологии, - ответил я.

- А-а, так это маскировка. Секретность и всё такое. Официально этот институт не работает много лет, - засмеялся Гарик, но, увидев, что я не смеюсь в ответ, тоже посерьезнел. - Ты, Мишка, не бойся. Мы тебе такое дело хотим предло-

жить! Машка сама рвется, но Михалыч – зверь, её только через свой труп отпустит.

- Где я нахожусь? – твердо спросил я.

Гарик озадаченно посмотрел на меня ясными честными глазами.

- А тебе Машка не рассказала?

- Нет.

- Ч-черт, - сказал он и погладил бритую голову. – Обиделась все-таки.

- Гари-ик, - протянул я с угрозой. – Что это за институт?

- Институт изучения параллельных миров, - ответил Гарик.

- Чего?

- Миров, - повторил Гарик. – Параллельных.

Я встал.

- Я пойду, пожалуй.

- Куда?

- Домой, Гарик, домой, - как можно спокойней произнес я, оглядываясь. – Скажи, в какую камеру мне улыбнуться, и я пойду.

- Здесь нет камер, - ошарашено сказал Гарик.

- Ну как же? Шутку я оценил. Вы меня разыграли.

- А-а, вот ты о чем... Никаких шуток, Миша. Все жанры, кроме шуток. Да сейчас Михалыч придет и сам тебе всё объяснит...

- Мне все это не нравится. Проктология... Голые эти ва-

ши... Синяя резина, из стены брызжущая...

- Это не резина. Это биокон, - сказал Гарик и пошарил по карманам. – Курить хочу... У тебя нет?

- Не курю.

- Правда? – он уставился на меня, как на чудо. – В наше время некурящие – редкость.

- Биокон.

- Ах, да, биокон... Это такая биологическая субстанция. Живая. Мы её выращиваем из тканей странников и микробов. Каждому – индивидуально. Биокон защищает от радиации, холода, жары и мелких травм. Вот только от кислотных дождей на нем прорехи появляются. Кислота его растворяет, пока ничего придумать не можем от этой напасти.

- А что, кислотные дожди часто идут?

- Смотря где, - Гарик нашел в кармане конфету, поглядел с сомнением – заменит сигарету или нет? – Например, на Ундине – постоянно. А вот на Европе – редко, но затяжные.

- Где, прости?

- На Ундине. Коварный такой мирок, весь в болотах, топях и озерах.

Я не понимал – дразнит он меня, или сообщает какую-то обычную для себя информацию.

- Понятно. На Ундине. А где это? – спросил я на всякий случай.

- Да я в террографии не слишком силен. Вот Машка – она собаку на этом съела. Кажется, где – то между Синим и Се-

ребрыным миром. Во всяком случае, где-то рядом с ними.

- Гарик, - с чувством сказал я. – Что такое Синий мир?

- Мир, как мир, - пожал плечами Гарик. – Я там не был, только рисунки видел. Но знаю, что в нашем мире у живых существ главенствует в организме железо. А в Синем мире – медь. Вот они там синие в основном. Медузы, улитки, кальмары...

- А люди? – устало спросил я. Сумасшедший дом.

- Людей там нет. Пока. Молодой мир. Мы оттуда только простейших таскаем, для производства биоконна.

Я постарался помедитировать. Мне нужно сохранить ясную голову. Потому что сейчас меня пытаются зомбировать... втянуть в какую-то аферу... нет, даже заговор...

Я услышал Машин голос, она яростно выкрикнула у меня за спиной:

- Нэисс нэ мии харан!

Я даже подскочил на месте.

- Машка, держи себя в руках! – шикнул Гарик и посмотрел на меня.

IV

Я оглянулся. Маша стояла у стола, вся покрасневшая, с блестящими злыми глазами, с сжатыми кулаками... Что это с ней?

- Зверь! – сказала Маша сквозь зубы. – Нелюдь!... Пошли.

Последнее – в мою сторону. Гарик вздохнул.

Я покорно пошел следом за Машей, что-то продолжавшей гневно бормотать. Она распахнула передо мной дверь, буквально втолкнула меня в кабинет и сказала:

- Получайте свою жертву,

За большим офисным столом сидел солидный, немолодой мужчина. Он встал мне навстречу – высоченный, с лохматой рыжей шевелюрой, с небритыми щеками и внимательными антрацитовыми глазами.

- Михаил? – спросил он раскатистым басом. – Меня зовут Иван Михайлович. Я руководитель проектного отдела по исследованию параллельных миров.

Когда он пожал мне руку своей лапищей, моя ладонь почти полностью исчезла в ней. Я заморожено смотрел на его лапу – с тыльной стороны она тоже сплошь поросла рыжей, морковного цвета, шерстью. Неандерталец.

- Как же, наслышан, - сказал я мстительно. – Ундина, Европа, Синий мир, Серебряный...

- Нэисс... - прошипела у меня за спиной Маша.

- Машуня, - обратился к ней неандерталец. – Ты бы пар спустила да чаю нам принесла. А будешь выражаться при госте – я тебя в отпуск отправлю. Домой.

Оскорбленная Маша вышла, хлопнув дверью.

Иван Михайлович усадил меня в кресло, а сам попытался расположиться на диванчике. Его габариты никак не гармонировали с небольшим, скромным кабинетом.

- Михаил, - сказал он, и его могучий голос завибрировал где-то в моих легких. – Я сейчас кое-что вам расскажу и покажу. Я прошу вас адекватно воспринимать всю информацию. Все вопросы – потом. Сначала мне бы хотелось...

И он протянул опять свою кошмарную волосатую лапу ко мне, а я, словно под гипнозом, протянул свою...

Как только мои пальцы коснулись его кожи, свет мигнул в глазах и пропал. Я погрузился в темноту и тишину.

В голове возникла странная мысль – а бывает ли море оранжевым?

Бывает, отзывалась темнота.

... Плывет в космической пустоте Земля – маленький голубой шарик, окутанный тончайшим покрывалом атмосферы. Шарик мчится по Вселенной с головокружительной скоростью, и вся Солнечная система - тоже, вместе с Солнцем, планетами и их спутниками. Где-то, в глубинах космоса, одинокая обитаемая Земля внезапно обнаружила, что параллельно ей мчатся в пространстве её двойники – множество иных миров, словно бы многократно отраженные вселенским зеркалом. И чем дольше существует Земля, тем больше отражений, тем больше рождается двойников.

И со всеми Земля связана невидимой паутиной энергии. Она - матрица, с которой делает дубли космос, расширяясь во времени. Одни миры погибают, едва успев родиться, другие – взрослеют и изменяются, но нигде жизнь не дублирует земную... Везде – своя неповторимость, своя уникальность,

иногда враждебная землянам, иногда — ласковая и дружелюбная.

Много миров уже изучено, великое множество изучается, бесконечное число — ещё даже неизвестно. По паутинкам-связкам можно без труда проникнуть в любой из миров, способ путешествия исследован и считается безопасным. Между мирами идет постоянный обмен информацией — культура, наука, искусство. Чтобы систематизировать и качественно изучать двойников Земли даже возникла наука террография. Террографы составляют карты расположений двойников, описывают особенности живой и неживой природы, собирают сведения о народах, населяющих планеты. Всё это пока не для широкой публики, сами понимаете...

Переход в любой из миров занимает всего мгновение — вещество становится энергией и по паутине скользит в вакууме. Меньше секунды — и человек оказывается в миллионах световых лет от Земли. Фантастика, доступная избранным. Пока — избранным.

Есть одно маленькое неудобство — только живая материя может путешествовать в пространстве и времени. Ничего механического, неживого, искусственного по паутине-связке передаться не может. Пока ученые не нашли решения этой проблемы.

Поэтому ни один из миров не сфотографирован, оттуда можно принести только образцы живой природы, но никогда — образцы почвы, минералов, культурного наследия на-

родов...

По той же причине никакая одежда или инструмент не могут быть перенесены в другой мир. Странники используют биокон – биологический кокон. Он покрывает все тело, как кожа, сохраняя тактильную, температурную чувствительность, не мешает телу дышать. Он же помогает живому организму оставаться единым целым после путешествия. Биокон при входе на Землю полностью испаряется с тела (и вместе с ним чужеродные микроорганизмы, которые могут осесть на нём) – и его опять напыляют в ту же секунду, когда энергия вновь становится материей, заодно стерилизуя кожу. В других мирах биологический кокон сохраняет свои свойства неограниченное количество времени.

Закутавшись в биокон, шествует человек по Вселенной. Нет преград.

V

...Вспыхнул свет.

- Ну, знаете! – сказал я, отдернул руку и потряс ею в воздухе – она словно бы онемела. – Вы эмпат, что ли?

- Эмпат, - произнес он удивленно. – Вы и об этом знаете, Михаил?

Теперь настала моя очередь удивляться: про эмпатию я много читал, этот вид межэмоциональных отношений среди людей меня сильно заинтересовал. Но что эмпаты существу-

ют на самом деле и я почувствую на себе их воздействие – такого я не ожидал. Тем не менее, примерно так я и понимал эмпатию – передача эмоций и чувств в виде зрительных образов и картин.

- Я – профессиональный больной, - ответил я. – Чем бы вы занимались, если бы болели десять месяцев в году? Лично я – читал всё подряд. И про эмпатию тоже. И про всякие «черные дыры», и про теорию параллельных миров, календарь майя, конец света и сионский совет старейшин... Но чтобы этими вопросами занимался целый институт и вполне серьезно – это, знаете ли...

- Похвально, - одобрительно произнес Иван Михайлович. – Среди молодежи теперь редкость – страсть к чтению.

- Я, в общих чертах, понимаю, чем вы занимаете. Я видел это в кино десятки раз. Только я тут при чем?

Вернулась Машуня, принесла чай. Вручила мне кружку с кипятком, и присела на подлокотник диванчика. Судя по её виду, она уже успокоилась, внимательно глядя на меня.

- Видите ли, Михаил, - Иван Михайлович почесал небритый подбородок. - Очень нам не хватает странников. Дефицит кадров. В условиях современного мира - мало желающих. А среди желающих – ещё меньше подходящих.

- Так вы объявление дайте, - посоветовал я, начиная принимать весь разговор за постановочную сценку в театре абсурда. – Требуются сотрудники для работы на Ундине в условиях кислотных дождей и топей. Обращаться в институт пр-

октологии.

- Миша, - строго сказала Маша. – Всё очень серьезно. И – секретно.

- Понимаете, Михаил, - сказал зверь Михалыч. - Параллельные миры необходимы Земле. Малевич, Бах, Тесла... Все они – оттуда, с другого мира.

- А этот, который коралловый город построил?

- Конечно.

- Билл Гейтс тоже?

- Нет, это земной шедевр. Толкиена знаете?

- Неужели - и он?

- Странник. Во многих смыслах – исследователь, перво-проходец...

- И вы хотите из меня сделать странника?

- Если бы вы захотели пройти обследования и обучение...

- Иван Михайлович, не хочу вас сильно расстраивать, но вы в курсе, что у меня - ни одного органа здорового нет? Куда мне - путешествовать по космосу?

- Странник – не космонавт, Михаил. У нас другие критерии отбора.

- Куда же вы хотите меня отправить?

- Есть один мир, - сказала Маша, опережая Михалыча. – Открыт совсем недавно, прямой опасности не представляет.

- Прямой опасности?

- Вирусы, излучения, ядовитая атмосфера – отсутствует. Есть развитая цивилизация, по уровню примерно равная на-

шей, земной. Цивилизация в целом не агрессивна, но и установить контакт пока не получается. Да и не это главное. Что-то не так в этом мире. Поскольку никаких механических приспособлений мы перекидывать в миры не можем, рассчитывать приходится только на человека, на его способность воспринимать и запоминать.

- Что же там не так?

- Мы посылали несколько групп. Обычно первыми идут специально подготовленные эмпаы. Полностью не погружаясь в новый мир, они его сканируют. При благоприятных оценках и прогнозах туда отправляются специалисты по выживанию. Они уже на собственной шкуре изучают обстановку мира. После них идут контактеры – ученые... В случае с этим миром, - он получил название Лорем Ипсум, - удачно прошло только сканирование. Причем оно проводилось четырежды – и каждый раз были получены разные данные. Ощущения эмпаов выдавали то картины пустынь, то арктических пустошей. Иногда они вдруг находили следы разума, а потом натыкались на превалирование животных инстинктов...

- В общем, Миша, в итоге туда отправились специалисты по выживанию. Три человека бесследно пропали – эмпаы вели их меньше суток, потом потеряли, - сказал Михалыч. – И больше связь не возобновлялась.

- Вы думаете, они погибли? – спросил я.

- Не похоже, - ответил Михалыч. – Когда человек умирает,

происходит выброс сигналов определенного рода, и эмпаты успевают засечь время и место гибели. А на Лорем Ипсум люди просто исчезли, пропали все их эмоциональные следы. Существует версия, что они могли спонтанно перейти в следующий за Лорем Ипсум мир – теоретически это допустимо.

- И после их исчезновения вы никого больше не посылали туда?

- Пока нет. Но у нас есть предложение к вам, Михаил.

Они оба устали за меня, не мигая. Я поехал. Нет, не от страха – болезни отучили меня бояться неизвестности и тайн. Что может меня испугать после клинических смертей и десятков наркозов? Но мне было неуютно, словно некто могущественный и сильный взирал на меня, как бы оценивая.

- Но почему - я? – наконец спросил я, когда молчание затянулось.

- Я работаю в институте двадцать пять лет, - ответил Михалыч, - но всегда слышал другой вопрос: почему НЕ я? – он удачно скопировал мою интонацию.

- И все-таки? Если мне идти в неизученный мир, то мне хотелось бы знать, зачем вам я? Не иммунитета, ни навыков выживания... Какой от меня толк?

- Навыкам выживания вас обучат, это не так уж и сложно... - Михалыч протянул руку к полке и снял пухлую папку с тесемками.

Это была моя история болезни. Я держал её в руках сотни

раз, знал каждое пятнышко на листочках, каждую запятую... Летопись моей нездоровой жизни.

Перед Машей можно было бы и не открывать эту чертову папку.

Михалыч перевернул несколько страниц.

- Вот вы говорите – профессиональный больной, - сказал он. – А я тут вижу совсем другую картину... Живучесть у вас, скажу я прямо... Я читал вашу историю. Восхищен.

- Чем? – сердито спросил я. Меньше всего мне хотелось обсуждать сейчас свои прошлые болячки. Тем более при Маше, тем более - после того, что я услышал и узнал в этом кабинете.

- У вашего организма уникальная способность противостоять напастям... Никакими вирусными заболеваниями повторно вы не заражаетесь. У вас удивительная стойкость к антибиотикам – в смысле, они на вас не действуют. Я проглядел дозировки, которыми вас пичкали в больницах при инфекциях – убойные дозировки! Нормальный человек уже бы, пардон, в унитаз утёк и печень выплюнул. А вы – цветете!

- У меня печень плохо работает, - хмуро ответил я. – Хронический холецистит. Панкреатит.

- Да ладно! Нет у вас ничего такого. Ни один анализ не подтвердил эти диагнозы.

- От чего же меня все эти годы лечили, по-вашему?

- Лечили? Никто вас не лечил. Вас целенаправленно гробили.

- А почки? – упрямо сказал я. – Песок. Недостаточность.

- Я вам говорил, что по паутине-связке между мирами ничего не живого не проходит? И ваши пески-камешки исчезнут после первого же перемещения... У вас нет ни одной пломбы, ни одной коронки – в современном мире это редкость. Несмотря на все ваши переломы, вывихи и травмы, ни разу не применялись спицы или скобы. Ничего лишнего. А скорость заживления переломов поистине фантастическая – в три раза быстрее, чем у среднестатистического гражданина ваших лет и комплекции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.